Г. Бест

ИСТОРИЯ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ: ИЗМЕРЕНИЯ И ДЕТЕРМИНАНТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И ЭЛИТ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН¹

Ключевые слова: национальная идентичность, государство, нация, Роккан, Юго-Восточная Европа

¹ Best H. 2009. *History Matters: Dimensions and Determinants of National Identities among European Populations and Elites* // *Europe-Asia Studies*. Vol. 61. № 6. P. 921—941. Copyright © University of Glasgow. Разрешение на публикацию перевода любезно предоставлено Taylor & Francis Ltd (<http://www.tandfonline.com>) от имени Университета Глазго.

² Bruter 2005: 101—109.

³ Scott, Marshall 2009: 330—333.

⁴ О проекте см. Ilonszki 2009: 913—919. Сайт проекта: www.intune.it.

Дискуссии о массовой, групповой или коллективной идентичности чаще всего отличаются изобилием теоретических и концептуальных споров, не подкрепленных сколько-нибудь весомой эмпирической базой, прежде всего сравнительными исследованиями, опирающимися на систематические и достоверные данные². И в социологических, и в социально-психологических исследованиях массовой идентичности доминирует конструктивистский подход. В противовес эссенциалистской трактовке концепта идентичности, исходящей из неповторимой сути или сущностной природы последней³, в рамках этого подхода так или иначе подчеркивается искусственный, сконструированный характер массовой идентичности. Очевидно, что любое исследование, основанное на конструктивистском подходе, нуждается в точно определенных и четко зафиксированных индикаторах, позволяющих выявлять ключевые факторы и динамику подразумеваемых процессов формирования коллективной идентичности в различных контекстах. Поскольку получение соответствующих данных сопряжено с немалыми трудностями и требует серьезных финансовых затрат, исследования возникновения массовых идентичностей обычно строятся на ненадежном эмпирическом фундаменте. Именно поэтому столь важное значение для изучения массовых идентичностей имела реализация проекта Intune⁴, обеспечившего обширный материал по формированию массовых идентичностей в 18 европейских странах с использованием множества индикаторов, характеризующих процесс формирования идентичности на уровне элит и населения в целом.

В настоящей работе тестируется гипотеза о том, что «изобретение», или «конструирование», массовых идентичностей — это не произвольный процесс построения, а затем навязывания нарратива «одинаковости», «принадлежности» или «общей судьбы» некоему населению, что его направленность и возможные вариации задаются конкретными историческими обстоятельствами и опытом, формирующими коллек-

тивные воспоминания и условия жизни того или иного народа. Применительно к национальным идентичностям речь идет, на мой взгляд, о процессе создания государства и построения нации, который накладывает особый и неизгладимый отпечаток на коллективное сознание. Лия Гринфилд указывает на то, что «адаптация национальной идеи к ситуативным ограничениям соответствующих агентов включает в себя концептуализацию на языке местных традиций»⁵. В дальнейшем такая концептуализация определяет любую национальную идентичность, превращая последнюю «в вопрос скорее исторической возможности, нежели необходимости». В отличие от Гринфилд, я не считаю национальную идентичность результатом простого «наличия идей» в период ее формирования, но вижу в ней следствие целенаправленного ответа на вызовы, встающие перед совокупностью людей в критической точке исторического развития нации. История здесь имеет значение постольку, поскольку она устанавливает пределы широкого проекта, или «структурного замысла», сконструированных идентичностей⁶. Ввиду того что в Европе эти исторические вызовы концентрируются в глубинных пластах исторического опыта, основной дизайн национальных идентичностей там едва ли менялся под влиянием более поздних событий.

Очевидно, что, предполагая, будто массовым идентичностям присуща инерция, которая защищает их от бесконечных трансформаций под воздействием социальных и политических перемен, я вношу эссенциалистский элемент в конструктивистский подход. Для проверки справедливости данного предположения необходимы тщательные эмпирические изыскания, в рамках которых наряду с макроисторическими паттернами национально-государственного строительства анализировались бы конкретные проявления национальных идентичностей в различных европейских обществах.

На первом этапе исследования я обращаюсь к образованию государств и построению наций как ключевым аспектам макроструктурного модернизационного процесса в Европе. Далее я перехожу к анализу воздействия исторических условий и конкретного протекания процесса национально-государственного строительства на восприятие современными народами своей национальной идентичности. В ходе этого анализа я опираюсь на макроструктурную теорию образования государств и построения наций Стейна Роккана, лежащую в основе его концептуальной карты Европы⁷, а также на конструктивистские теории формирования национальной идентичности. Главный вопрос исследования: в какой мере конструкты национальных идентичностей разделяются населением той или иной страны? В целях установления степени универсальности национальных идентичностей данные, относящиеся к населению в целом, будут сопоставляться с данными, характеризующими позицию политических и экономических элит.

Макроструктурная теория (западно)европейского национально-государственного строительства Роккана объясняет развитие и современные проявления национального и политического разнообразия

⁵ Greenfield 1992: 17.

⁶ Hobsbawm 1990; Anderson 1991.

⁷ Концептуальная карта Европы Роккана задумана «как схематическая система координат, образованная путем соединения в модели одной территориальной, одной экономической и одной культурной переменной» (Rokkan 1999: 114). В своем исходном виде она представлена в ряде опубликованных в 1970-х — начале 1980-х годов статей и глав в монографиях. Ее конечную и «канонизированную» версию можно найти в посмертном сборнике работ Роккана, составленном Питером Флора при участии Стейна Кюнла и Дерекы Урвина (Ibidem). В введении к изданию Флора дает исчерпывающее описание концептуальных замыслов и теоретической деятельности Роккана (Flora 1999).

⁸ *Rokkan 1999: 135—190; Flora 1999: 70—91.*

в Западной и Центральной Европе историческими региональными различиями политических, экономических и культурных условий⁸. Степень отдаленности от Рима как центра католической Церкви с ее претензией на всеобщую религиозную гомогенность рассматривается там как главная культурная переменная в процессе построения наций. Однако процесс государственного строительства в Европе в значительной мере зависит от удаленности от «пояса городов» — сложившейся в начале средних веков зоны повышенной экономической активности и инфраструктурного развития, которая тянулась от Фландрии через бассейны Рейна и Восточную Францию к Северной и Центральной Италии. Наиболее благоприятные для консолидации современных государств условия сложились в тех районах Европы, которые располагались между «поясом городов» и менее развитыми внутренними регионами. Такое расположение означало, что зарождавшиеся государства имели как доступ к экономическим ресурсам «пояса городов», так и пространство для расширения своей территории. Применительно к национальному строительству Роккан исходит из распространения римского влияния с юга на север: на северной периферии Европы, где впервые возникли и со временем укоренились национальные протестантские церкви, процессы построения нации завершались легче, чем в районах, расположенных ближе к центральным институтам универсалистской католической Церкви. Ввиду наличия этих географических спецификаций концептуальная карта Роккана охватывает лишь те области Западной и Центральной Европы, которые на каком-то этапе контролировались католической Церковью. Например, Юго-Восточная Европа включена в нее только до восточных границ западной части Римской империи на Балканах и до южной границы Габсбургской империи. Остальная часть Восточной и Южной Европы предстает на концептуальной карте Роккана в качестве *terra incognita*, то ли входя в состав «Средиземноморской периферии», то ли образуя пространство с неустановленными условиями формирования государства и нации.

Если мы хотим расширить концептуальную карту Роккана таким образом, чтобы она включала в себя Восточную и Южную Европу, нам необходимо найти некие общие факторы государственного и национального строительства, эквивалентные «поясу городов» и отдаленности от Рима. Я предлагаю использовать в качестве таковых расстояние до Византии и границы охвата славянских земель православной Церковью, которая — благодаря раннему переводу Библии на славянские языки и введению кириллического алфавита — являлась определяющим и вместе с тем интегрирующим фактором формирования культуры⁹. В свою очередь, территориальные и временные рамки Османской империи, оставившей в наследство [некогда входившим в нее народам] мусульманские и турецкие меньшинства, стали важным фактором этнокультурной дифференциации в Юго-Восточной Европе. Будучи мультиэтнической империей, она вплоть до середины XIX в. препятствовала образованию в своих пределах национальных государств.

⁹ *Herrin 2007.*

Территориальные пределы Османской империи могут также использоваться для определения экономической оси, связанной с формированием государств, поскольку подконтрольные ей территории были частью торговой зоны Восточного Средиземноморья¹⁰.

¹⁰ *McCarthy 2001; Imber 2002.*

В предлагаемой мною редакции концептуальной карты Роккана оси государственного и национального строительства в Юго-Восточной Европе повернуты примерно на 45 градусов. Ось формирования государств вытянута с запада на восток, тогда как ось построения наций — с севера на юг. Ось восток—запад обозначает здесь скорее направление культурной дифференциации и национального строительства вдоль разделительной линии, возникшей в результате раскола 1054 г. между католической и православной Церквями. Ось север—юг определяет необходимые условия образования государства через такие параметры, как южные пределы габсбургской реконкисты, с одной стороны, и продолжительность или степень жесткости власти Османской империи — с другой.

Во второй части своего теоретического и концептуального обсуждения я рассмотрю влияние территориальных условий и исторических процессов, лежавших в основе построения наций и образования государств в Юго-Восточной Европе, на становление и оформление современных национальных идентичностей населения этого региона Европы. В ином исследовательском контексте конструктивистские теории формирования национальной идентичности показали связь между макро- и микропроцессами в ходе формирования идей и самоопределений. В своей классической работе Бенедикт Андерсон концептуализировал нацию как воображаемое сообщество с коллективными идентичностями, основанными на когнитивных конструктах и их нормативных коррелятах¹¹. Во время формирования подобного рода воображаемых сообществ создатели последних не свободны в выборе составляющих их элементов; они могут лишь реконструировать и собирать заново культурные традиции и институциональные реликты прошлого¹². Ключевую роль в формировании воображаемых сообществ и их коллективных идентичностей Андерсон отводит элитам, выступающим в качестве производителей и одновременно распространителей таковых. Когда речь идет о национальном строительстве в «опоздавших нациях» Восточной Европы, первостепенное значение приобретает разрыв между элитами и массами. Исследования восточноевропейского национализма показывают, что конкретные модели включения и исключения при определении границ нации зависят от того, какой именно сегмент элиты играет главную роль в процессе создания государства и формирования нации¹³. На развитие национальных государств в Восточной Европе наложил отпечаток прежде всего «аристократический» и «бюрократический» национализм, в отличие от «буржуазного национализма», который доминировал на Западе¹⁴.

¹¹ *Anderson 1991.*

¹² *Smith 2008.*

¹³ *Kohn 1945.*

¹⁴ *Sugar 1969.*

Теперь перейдем к обсуждению компонентов и объектов исследования. В частности, я хотел бы коснуться вопроса о том, повлияли

ли — и если да, то каким образом — особые условия становления наций и государств в Юго-Восточной Европе на процесс формирования национальной идентичности у элит и населения в целом. Для выявления специфических контуров национальных идентичностей в Юго-Восточной Европе эти идентичности следует сопоставить с идентичностями населения других европейских стран. Эмпирической базой исследования служат материалы серии общеевропейских опросов, проведенных в 2007 г. в рамках проекта Intune. Помимо ряда сугубо европейских сюжетов, в опросах затрагивались темы, связанные со структурой национальных идентичностей и самовосприятием как экономических и политических элит, так и населения соответствующих стран в целом.

Мы имеем здесь дело с первым синхронным мультинациональным опросом политических и экономических элит, а также массовых и элитных групп и первым панъевропейским опросом элит, включающим элиты посткоммунистических стран Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. В настоящем исследовании географический центр Юго-Восточной Европы представлен Сербией, Болгарией и Грецией, а ее северная периферия — Венгрией. Материал по Словении используется только в той части работы, где идет речь об установках населения в целом, поскольку опрос элит в этой стране не проводился.

В ходе дальнейшего обсуждения я сфокусирую внимание на совокупности позиций, касающихся национальной идентичности. Эти позиции были практически одинаково сформулированы в опросах как элит, так и населения в целом. Интервьюируемых просили перечислить характеристики, на основании которых можно судить о принадлежности человека к нации. Для этого им был предложен набор из восьми позиций, отсылающих к широко распространенным определениям национальной принадлежности, которые используются в настоящее время в публичных дискуссиях и приводятся в теоретической литературе (см. *табл. 1*). В их числе мы находим указания на культурную самобытность нации (владение языком), на статус человека в политике (гражданин), на эмоциональную подоснову национальной идентичности (чувствовать себя, например, болгарин), на *jus soli* (родиться на территории страны) или *jus sanguinis* (иметь родителей, обладающих гражданством).

Подвергнув этот набор позиций факторному анализу, мы обнаруживаем, что во всех трех выборочных совокупностях решающую роль играют два главных фактора: первый из них включает в себя аскриптивные характеристики, такие как родиться на территории страны или происходить из семьи граждан, а второй — приобретенные или те, что могут быть приобретены, например уважение законов своей страны или наличие гражданства. Примечательно, что, согласно этому анализу, культурные параметры национальной принадлежности в разных выборочных совокупностях воспринимаются по-разному. В одних случаях соответствующие параметры, подобно аскриптивным характеристикам, осмысляются как эссенциалистские, тогда как в других они причисля-

Таблица 1 Национальная идентичность

Вопрос: Мнения людей относительно того, что значит принадлежать к нации, различны. Как Вы считаете, насколько важно в плане принадлежности к нации каждое из приведенных ниже положений?

Насколько важно...*

¹⁵ Позиции, выделенные полужирным шрифтом, отражены в диаграммах 1—5.

A	... быть христианином ¹⁵
B	... придерживаться культурных традиций [страны]
C	... родиться в [стране]
D	... иметь родителей [данной национальности]
E	... уважать [национальные] законы и институты
F	... ощущать [свою принадлежность к нации]
G	... владеть языком (языками) [страны]
H	... быть гражданином страны

* Возможные варианты ответа:

1. Очень важно
2. В какой-то степени важно
3. Не очень важно
4. Вообще не важно

ются к конструктивистским по типу приобретенных качеств. То же самое справедливо и применительно к христианскому вероисповеданию как критерию национальной принадлежности. Если среди населения в целом культурные показатели чаще всего входят в эссенциалистский кластер критериев принадлежности к нации, то среди политических элит они обычно включены в конструктивистский фактор, в то время как экономические элиты придерживаются промежуточной позиции. Такого рода результаты факторного анализа — первое свидетельство амбивалентного статуса культуры как либо в основе своей исключающего, либо потенциально включающего критерия национальной принадлежности.

В представленных ниже результатах [исследования] учитываются только пять показателей принадлежности к нации из восьми. Критерием для отбора выступала сила факторной нагрузки. Интерпретации подвергаются лишь различия между элитами и не-элитами на уровне национальных выборочных совокупностей.

Начну с владения национальным языком как критерия национальной идентичности (см. диаграмму 1). С тем, что это необходимое условие принадлежности к нации, согласно подавляющее большинство во всех выборочных совокупностях. В данном случае мы наблюдаем наибольшую степень консенсуса между элитами и населением в целом

Диаграмма 1 Чтобы принадлежать к нации, важно владеть [национальным] языком (доля утвердительных ответов в %)

и наименьшие межстрановые различия. Единственным исключением является Сербия, поскольку на (бывшей) ее национальной территории — особенно если рассматривать Косово — имеются крупные национальные меньшинства со своими собственными языками. Платой за притязания на эти народы и районы их проживания оказывается гетерогенность национального коммуникационного пространства. Сербские элиты, вне всякого сомнения, в гораздо большей степени готовы платить эту цену, чем основное население страны. С другой стороны, хорватов и боснийцев, которые говорят на очень близких к сербскому языках и составляют часть того же самого пространства социальной коммуникации, нельзя отличить от сербов в языковом отношении. Приведенные в *диаграмме 1* данные показывают, что, если вынести за скобки отдельные исключения вроде Сербии, и элиты, и массы разделяют представление о нации как о гомогенном пространстве коммуникации и эта ситуация характерна практически для всех европейских стран что на западе, что на востоке континента. Это относится даже к мультиязычным странам типа Бельгии, где каждое культурное сообщество может рассматривать свой язык как «национальный».

Особое положение Сербии становится очевидным, когда в качестве критерия национальной принадлежности выступает гражданство (см. *диаграмму 2*). По уровню признания этого критерия и элитами, и населением в целом Сербия замыкает список европейских стран, что, вероятно, связано с наличием крупных сербских меньшинств на территории соседних государств, включая те, чей [государственный] статус все еще оспаривается. С точки зрения упора на гражданство как критерий принадлежности к нации Сербия вместе с Венгрией, а также (с небольшим отрывом) Германией и Австрией входит в группу стран, потерпевших неудачу в процессе формирования государства и построения нации в XX столетии. Вследствие имевших место в XX в. изменений границ во всех этих странах сложилась ситуация, когда большое число людей, относивших себя или относимых другими к соответствующей нации, оказалось за пределами своих государства. В результате юридические и политические концепции членства в нации перечеркнули исторически сложившиеся претензии на «одинаковость» и «принадлежность», исключив «блудных сыновей» (и дочерей) из сообщества соотечественников, являющихся гражданами национального государства.

Верхнюю строчку в *диаграмме 2* занимает Франция — классический пример политически определяемой нации граждан. Однако далее по списку идет Эстония, где проживает большое количество русских. В последнем случае получение полноценного гражданства сопряжено с определенными культурными требованиями в виде владения национальным языком, в связи с чем вхождение в сообщество граждан приобретает отчетливо исключаящий характер. В целом, когда речь идет о критерии гражданства, мы наблюдаем выраженные различия между странами и между элитами и не-элитами, однако по расположению

Диаграмма 2 Чтобы принадлежать к нации, важно быть гражданином [страны] (доля утвердительных ответов в %)

[стран] в диаграмме мы не в состоянии выявить специфическую модель, характерную для Восточной или Юго-Восточной Европы.

Как видно из *диаграмм 3 и 4*, межгрупповые и межстрановые различия наиболее глубоки, когда речь заходит об аскриптивных, или сущностных, критериях, таких как наличие родителей, принадлежащих к соответствующей нации, или рождение на территории национального государства. Доля согласных с этими критериями варьирует от 5% (среди британской экономической элиты) до 91% (среди населения Болгарии). Вместе с тем на уровне рядового населения межстрановые различия выражены гораздо слабее, нежели на уровне элит. Ни в одной стране доля согласных с нативистскими определениями национальной принадлежности (родиться в семье граждан или в территориальных границах национального государства) среди населения в целом не опускается ниже 50-процентного порога, в то время как в обеих элитных группах такая ситуация наблюдается по крайней мере в трети стран, включенных в обзор, причем по обоим критериям. По всей видимости, элитам труднее, чем не-элитам, смириться с заложенным в нативистских определениях национальной идентичности атавистическим компонентом. Примечательно также, что из шести стран с наиболее низким уровнем согласия с нативистскими критериями принадлежности к нации среди обеих элитных групп элит пять находятся в Западной Европе и все западноевропейские страны расположены в нижней части соответствующих диаграмм. Очевидное социальное и территориальное смещение, скрывающееся за этой разницей в показателях, лишь отчасти можно объяснить принципом политкорректности, в соответствии с которым нативизм считается этноцентричным и даже потенциально расистским¹⁶.

¹⁶ Geertz 1966.

Как бы то ни было, некоторые результаты [исследования] противоречат этой простой интерпретации. В частности, речь идет о Сербии, где имеются очевидные различия между элитами и массами и массы демонстрируют гораздо большую приверженность нативистским установкам, чем политические элиты. Тем не менее в случае Сербии я вижу в этих различиях между элитами и не-элитами не следствие недостаточной политкорректности масс, а побочный эффект югославской наднациональной государственной идеи: в сознании сербских элит эта идея соединяется с мечтами о доминировании Великой Сербии. Что касается Болгарии, то расхождения между элитами и не-элитами там значительно слабее, и мы можем обнаружить здесь большее соответствие между различными показателями, используемыми для определения принадлежности к нации. Греция занимает промежуточное положение между Болгарией и Сербией. Таким образом, данное ранжирование не позволяет нам выделить гомогенный юго-восточный европейский кластер, возникший в результате объединяющего воздействия исторического опыта.

Однако когда мы переходим к христианству как критерию определения национальной принадлежности, картина заметно меняется.

Диаграмма 3 Чтобы принадлежать к нации, важно иметь родителей [данной национальности] (доля утвердительных ответов в %)

Диаграмма 4 Чтобы принадлежать к нации, важно родиться в [стране] (доля утвердительных ответов в %)

Как видно из *диаграммы 5*, по уровню согласия с этим критерием три юго-восточные европейские страны, чья культура сформировалась под влиянием православия (Греция, Сербия, Болгария), вместе с Польшей и Италией однозначно превосходят остальные страны. Правда, среди элит такая ситуация характерна только для Болгарии и Греции, тогда как Сербия в очередной раз демонстрирует огромную пропасть между элитами и населением в целом. И все же, даже с этой оговоркой, печать православных традиций — главная отличительная черта ядра юго-восточных европейских стран в настоящем исследовании. Это верно и по отношению к Болгарии, несмотря на длительное господство коммунистического режима, оказывавшего сильное секуляризующее давление как на элиты, так и на население в целом. Поэтому Болгария оказалась в диаграмме рядом с Польшей, где христианские традиции также образуют центральный конституирующий элемент национальной идентичности. В качестве государства, которое после 1945 г. было связано с Западом, Греция выступает среди этих стран исключением, поскольку греческая православная Церковь никогда не подвергалась серьезному секуляризующему давлению. Совершенно очевидно, что именно глубинные исторические пласты, связанные с процессом христианизации Юго-Восточной Европы и последовавшим за этим долгим периодом османского правления, и определили структуру этой специфической модели национальной идентичности, в то время как относительно непродолжительный коммунистический этап с его секулярной идеологией наложил на нее лишь незначительный отпечаток.

¹⁷ McCarthy 2001;
Glenny 2001.

Эту интерпретацию подкрепляют и результаты анализа социальной структуры. *Диаграммы 6—8* показывают, что три рассматриваемые здесь страны Юго-Восточной Европы, наряду с Польшей и Литвой, относятся к числу стран с самым высоким уровнем воцерковленности как среди элит, так и среди масс. В регионах центральной, восточной и юго-восточной периферии Европы католицизм и православие составляли ядро движений за национальную независимость в XIX в.¹⁷ Кроме того, это именно те регионы, где принадлежность к соответствующей Церкви предполагала наивысшую степень сопротивления современному секуляризующему давлению и одновременно оказывала самое сильное воздействие на формирование национальной идентичности. Однако интегративный эффект подобного рода отпечатков далекого прошлого ограничен в том плане, что мусульманские меньшинства не могут участвовать в воображаемом сообществе национального православия. Это обстоятельство имело хорошо известные последствия для мусульманского населения Сербии и сопредельной с ней Боснии, и оно же отражается на положении исламских меньшинств в Болгарии, к которым относится около 10% населения страны и ее политической элиты.

Понятие исторического бремени неприменимо, однако, к отношениям стран Юго-Восточной Европы с современной Турцией

Диаграмма 5 Чтобы принадлежать к нации, важно быть христианином (доля утвердительных ответов в %)

Диаграмма 6 Конфессиональная принадлежность: политические элиты (в %)

Диаграмма 7 Конфессиональная принадлежность: экономические элиты (в %)

Диаграмма 8 Конфессиональная принадлежность: население в целом (в %)

(см. *диаграмму 9*). По степени озабоченности политической элиты турецкой угрозой Европе Сербия и Греция занимают последнее место среди стран, включенных в наше исследование, а Болгария находится в середине списка. Больше всех обеспокоены ею политические элиты Бельгии и Франции, хотя сценарий турецкой угрозы если и оказал на эти страны какое-то историческое влияние, то очень опосредованное. Этот результат подтверждает обоснованность теоретического подхода, связывающего структуры национальных идентичностей скорее с содержанием исторического опыта и исторических нарративов, нежели с актуальными внешнеполитическими разногласиями или проблемами, порожденными современными миграционными процессами.

В завершение сравнительного анализа я рассмотрю совокупные доли согласных со значимостью всех пяти показателей национальной принадлежности, используемых в данном исследовании (см. *диаграммы 10—12*). Вопрос заключается в том, в какой степени обсуждаемые здесь параметры национальной идентичности складываются в четко очерченную модель внутригрупповых отношений. Для того чтобы зафиксировать исключаящий характер определений национальной принадлежности, я использовал процентную долю респондентов, которые назвали в качестве критериев принадлежности к нации все пять компонентов национальной идентичности одновременно. Подобный подход указывает на высокий уровень замкнутости национального сообщества, при котором иммигрантам и представителям этнических или религиозных меньшинств чрезвычайно трудно добиться признания себя его частью.

Что касается основного населения, то мы вновь обнаруживаем Болгарию, Грецию и Сербию (вместе с Польшей и Италией) в открывающей список группе стран, для которых характерна аккумуляция критериев включения и исключения (см. *диаграмму 12*). И хотя подобное положение вещей не тождественно национализму, оно свидетельствует о высокой степени готовности к исключению из национального сообщества людей, которые не отвечают всему набору критериев, определяющих принадлежность к нации. Применительно к политическим элитам Болгария и Греция по-прежнему остаются в занимающей верхние позиции группе, тогда как Сербия теперь оказывается среди стран, замыкающих список. Однако четко выраженные расхождения между элитными и неэлитными ориентациями в Сербии, на мой взгляд, объясняются не столько какими-то особо «просвещенными» национальными установками сербской политической элиты, сколько разрывом между фактической территорией страны и историческими претензиями сербского национального государства, который отражает несоответствие между национальными границами и районами расселения доминирующей этнической группы. В такой ситуации у сербских элит просто не остается иного выхода, ведь существующая в их сознании Великая Сербия неизбежно является полиэтнической и поликонфес-

Диаграмма 9 Расширение ЕС путем включения в него Турции представляет огромную угрозу для сплоченности Европейского Союза (доля утвердительных ответов в %)

Диаграмма 10 Частота согласия с пятью перечисленными в таблице 1 критериями принадлежности к нации: политические элиты (в %)

Диаграмма 11 Частота согласия с пятью перечисленными в таблице 1 критериями принадлежности к нации: экономические элиты (в %)

Диаграмма 12 Частота согласия с пятью перечисленными в таблице 1 критериями принадлежности к нации: население в целом (в %)

сиональной страной, ибо включает в себя Косово и албанских мусульман¹⁸.

¹⁸ *Glenny 2001.*

В настоящей работе было в общих чертах обрисовано, как центральные категории роккановской макромоделю европейского политического развития могут использоваться для объяснения особенностей формирования национальных идентичностей в современной Европе. В пользу данного подхода говорит вытекающий из представленного выше исследования вывод, что наследие прошлого сохраняется в сознании даже тех людей, которые, казалось бы, забыли историю. Это национальное наследие передается посредством таких институтов, как национальные государства, а там, где последние сложились относительно поздно, наднациональных институтов типа православия и католицизма. Адаптированная версия сравнительной макросоциологии Роккана помогает также разрешить парадокс бывших коммунистических государств, оказавшихся сегодня в группе стран, демонстрирующих высокую степень приверженности христианской Церкви и широкое распространение базирующихся на христианстве определений национальной принадлежности, и объяснить, почему государства Юго-Восточной Европы составляют столь значимую долю в этой группе. Там, где среди населения многонационального государства или империи наблюдается корреляция между этнической и конфессиональной принадлежностью, ключевым элементом формирования национальной идентичности и объединяющим лозунгом движений за национальную независимость станет, скорее всего, религия. В выборке стран, охваченных проектом Intune, именно так обстояло дело в католических Польше и Литве, входивших в состав православной Российской империи, а также в православных Болгарии, Сербии и Греции, которые были частью исламской Османской империи. И по сей день в этих странах христианство выступает важным элементом национальной идентичности. Участие православной и католической Церкви во всех движениях за национальное освобождение придало христианству новые силы и укрепило связь населения с соответствующей конфессией. В этом и кроется разгадка того парадокса, что четыре бывшие коммунистические страны (Болгария, Сербия, Польша и Литва) входят в число стран с наиболее высоким уровнем принадлежности к религиозным группам среди элит и населения в целом (в Литве массового опроса в рамках проекта Intune не проводилось). Вместе с тем взаимосвязь между конфессиональной и национальной принадлежностью достигается за счет обеих: универалистские претензии систем религиозных взглядов вступают в противоречие с ограниченными рамками национальных идентичностей, а интегративная идеология национализма приходит в столкновение с реальной множественностью систем верований в любом народе. Оба этих противоречия приводили к крупным внутри- и межгосударственным конфликтам в Европе как в прошлые, так и в недавние времена.

Библиография

- Anderson B.** 1991. *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. — L.
- Bruter M.** 2005. *Citizens of Europe? The Emergence of a Mass European Identity*. — N.Y.
- Deutsch K.W.** 1966. *Nationalism and Social Communication*. — Cambridge (MA).
- Flora P.** 1999. Introduction and Interpretation // Rokkan S. *State Formation, Nation-Building, and Mass Politics in Europe. The Theory of Stein Rokkan*. — Oxford.
- Glenny M.** 2001. *The Balkans 1804—1999. Nationalism, War and the Great Powers*. — N.Y.
- Greerz C.** 1966. The Impact of the Concept of Culture on the Men // Platt J. (ed.) *New Views of the Nature of Man*. — Chicago.
- Greenfield L.** 1992. *Nationalism. Five Roads to Modernity*. — Harvard (MA).
- Herrin J.** 2007. *Byzantium: The Surprising Life of Medieval Empire*. — Princeton (NJ).
- Hobsbawm E.** 1990. *Nations and Nationalism since 1780*. — Cambridge.
- Iłonszki G.** 2009 Introduction: A Europe Integrated and United — but Still Diverse? // *Europe-Asia Studies*. Vol. 61. № 6.
- Imber C.** 2002. *The Ottoman Empire 1300—1650. The Structure of Power*. — N.Y.
- Jelavich B.** 1983. *History of the Balkans: Eighteenth and Nineteenth Centuries*. — Cambridge.
- Kohn H.** 1945. *The Idea of Nationalism*. — N.Y.
- McCarthy J.** 2001. *The Ottoman Peoples and the End of the Empire*. — L.
- Rokkan S.** 1999. *State Formation, Nation-Building, and Mass Politics in Europe. The Theory of Stein Rokkan*. — Oxford.
- Scott J., Marshall G.** 2008. *Oxford Dictionary of Sociology*. — Oxford.
- Smith A.D.** 2008. *The Cultural Foundations of Nations. Hierarchy, Covenant, and Republic*. — Oxford.
- Sugar P.F.** 1969. External and Domestic Roots of Eastern European Nationalism // Sugar P.F., Lederer I. (eds.) *Nationalism in Eastern Europe*. — Seattle (WA).

Перевод с английского К.Н.Гудиевой